

Хорошо, что Нао-Нао, хоть и не желал идти на контакт с Чэнь Хэмином, не противился его присутствию рядом. Новую кровать для Нао-Нао доставили и собрали в его комнате уже к вечеру, так что Чэнь Хэмину удалось избежать неприятного столкновения с Чу Иваном, чей прежний образ в глазах окружающих уже давно был разрушен.

На рассвете Чэнь Хэмин сквозь туманную полудрему почувствовал, что половина его тела словно придавлена тяжелым камнем. Он не мог пошевелиться, а рука, казалось, вовсе онемела.

С трудом разлепив глаза, Чэнь Хэмин машинально попытался пошевелить рукой, но стоило ему сделать малейшее движение, как пронзительная, зудящая боль заставила его судорожно вдохнуть. Казалось, будто из плоти левой руки проросли тысячи невидимых нитей, впившихся в каждую клетку, и любое напряжение отдавалось острой болью, от которой даже кожа на голове начинала гореть.

Не смея больше шевелиться, Чэнь Хэмин в неудобной позе скосил глаза вниз и увидел, что Нао-Нао, ворочаясь во сне, забрался к нему в объятия.

Хотя мальчику было всего четыре года, он весил больше пятнадцати килограммов. Весь этот груз пролежал у него на руке пол-ночи — неудивительно, что ему снились кошмары про раздавленные камнем конечности.

Преодолевая боль, Чэнь Хэмин осторожно отстранил Нао-Нао и, потирая ноющую руку, с гримасой поднялся с кровати.

Ужасные биологические часы. Даже выспаться как следует не дают.

Острая боль окончательно прогнала остатки сна. Приведя себя в порядок, Чэнь Хэмин решил направиться на кухню.

— Доброе утро, — раздалось от двери, сопровождаемое тяжелым дыханием.

Чэнь Хэмин обернулся и увидел человека, который встал еще раньше него. Это была не тетушка Ло, а Чу Ивань, только что вернувшийся с утренней пробежки.

Система 0937 в воздухе исполняла некое подобие балета, а ее загруженный голосовой пакет, чрезмерно очеловеченный, не скрывал явного злорадства.

Мужчина был одет в спортивный костюм цвета слоновой кости, на шее небрежно висело полотенце для пота. Его дыхание почти выровнялось, но капли пота, продолжавшие выступать на лбу, выдавали немалую физическую нагрузку.

Богатый властный босс оказался еще и приверженцем строгой дисциплины. Судя по всему, у него было как минимум шесть кубиков пресса, а в сочетании с лицом, словно вылепленным по

золотому сечению, любой другой мог бы только завидовать. Но у Чу Ивана было всё это сразу.

— Доброе утро, — с легкой улыбкой ответил Чэнь Хэмин.

Чу Ивань, поздоровавшись, пальцами откинул назад влажные от пота волосы. Благодаря острому зрению своего нынешнего тела Чэнь Хэмин отчетливо увидел траекторию капли пота, скатившейся с кончика волоса. От мужчины буквально исходила мощная мужская энергетика.

Вдоволь нащупавшись с пушистым шариком, Чэнь Хэмин отпустил 0937, но его взгляд невольно снова вернулся к Чу Иваню.

Схватив надоедливый пухлый комок, Чэнь Хэмин с безупречным выражением лица быстро и безжалостно оторвал от 0937 свежеприкрепленные крылышки Купидона.

— У-у-у, хозяин, у меня вирус? Твое истинное тело ведь гораздо красивее этого золотого идола, с чего бы тебе ему завидовать?

Разве баллы не должны были скоро закончиться? К чему этот пафос? Снимай, снимай.

Две тонкие, как спички, лапки 0937 крепко вцепились в указательный палец Чэнь Хэмина, и система запричитала:

— Хозяин, отпусти меня, я сейчас же вернусь в системное пространство на проверку вирусов.

Ц-ц-ц, неудивительно, что Чу Ивань стал мировым эталоном.

0937 был системой, способной работать бесконечно, пока хватает пакетов данных. Едва дождавшись, пока хозяин проснется, 0937, сдерживавшийся всю ночь, стал еще шумнее:

— Хозяин, ты такой завистливый.

Уловив мысли, которые Чэнь Хэмин намеренно пропустил через сознание, 0937, еще секунду назад споривший и брыкавшийся, мгновенно притих.

Пока Чэнь Хэмин предавался размышлениям, 0937, уже спрятавшийся в системном пространстве подальше от когтей хозяина, снова начал ходить по краю:

— Хозяин, ты забыл, что и сам когда-то был таким же властным боссом из разряда «небо похолодает, и компания разорится»? Не будем завидовать, ладно?

Улыбка Чэнь Хэмина стала еще мягче, но ментальное щупальце, связанное с системным пространством, безжалостно нажало кнопку блокировки.

Многие из миров, подвластных Пространству Главного Бога, были созданы на основе романов. А раз это романы, то не обойтись без властных боссов, которые служат расходным материалом. В период своего расцвета он сам однажды играл роль того самого легендарного топ-менеджера, в руках которого находились мировые экономические рычаги.

Но какой в этом толк? Он ведь неудачник из группы расходных персонажей! Чем властнее был босс, которого он играл, тем быстрее он становился «пушечным мясом», и тем хуже был полученный опыт.

Разве можно сравнивать такого босса с Чу Иваном, сыном этого мира, перед которым даже небо склоняется? Разве можно сравнить уровень удовольствия от игры?! 0937 вечно бьет по больному!

Вспомнив о главных героях, Чэнь Хэмин внезапно вздрогнул. Черт, он чуть не забыл следить за сюжетом!

Чу Ивань не торопился возвращаться в комнату, чтобы смыть пот. Напротив, он уселся на диван и с нескрываемым интересом принялся наблюдать за переменами в лице юноши.

Взгляд мужчины становился все более глубоким.

С самой первой встречи Чу Ивань заметил, что юноша вовсе не так робок и скучен, как кажется на первый взгляд. В моменты, когда он не ожидал, что за ним наблюдают, или когда расслаблялся, на его лице проскальзывали эмоции, не соответствующие его обычному поведению: гнев, гордость или печаль. Все это казалось ему удивительно новым.

— Ты хочешь мне что-то сказать? — когда взгляд юноши снова обратился к нему, Чу Ивань слегка шевельнул пальцами, а его глубокие, похожие на феникса глаза довольно прищурились.

Юноша тоже сел. словно пытаясь унять волнение, он схватил подушку и прижал ее к груди. Почувствовав себя увереннее, он нерешительно спросил:

— Я слышал, что когда дети, подобные Нао-Нао, теряются, а потом находятся, принято устраивать торжество. Нужно сообщить эту хорошую новость родным и близким, только тогда ребенка по-настоящему принимают в семью.

После каждой фразы юноша делал паузу. Он робко опускал глаза, но тут же быстро бросал взгляд на Чу Иваня, проверяя, нет ли на его лице хотя бы тени недовольства или отвращения, и лишь убедившись, что все в порядке, продолжал.

Закончив, юноша, казалось, стал смелее и добавил:

— Я человек неискушенный, не знаю, правильно ли это говорю. Но раз Нао-Нао наконец нашелся, разве не стоит сообщить об этом остальным?

Чу Иваню показалось, что под кроличьей шкуркой юноши он видит лисий хвост. Он прекрасно понимал, что тот хочет добиться проведения банкета, чтобы публично подтвердить статус Нао-Нао, но чем яснее он это понимал, тем мягче становился его взгляд.

Юноша не был корыстолюбивым, поэтому причина такого совета была проста. Только после официального объявления статус Нао-Нао как члена семьи Чу станет незыблемым, и он сможет прожить жизнь в безопасности и покое.

Чэнь Хэмин полагал, что его слова, звучащие как попытка сначала закрепить статус Нао-Нао, а потом присосаться к нему, вызовут у Чу Ивана отвращение. Кто бы мог подумать, что тот станет только довольнее?

— Конечно, нужно объявить всем о статусе Нао-Нао. Я уже поручил дворецкому заняться подготовкой. Ты отдыхай и поправляйся, к тому времени, как ты придешь в себя, банкет будет готов, — с сияющей улыбкой ответил Чу Ивань.

Не понимая, чему так радуется Чу Ивань, Чэнь Хэмин уже хотел поблагодарить его, как вдруг раздался хриплый и пронзительный детский голос:

— Папа, ты поранился?

Топ-топ.

Тапочки с рисунком зеленых динозавриков, надетые спросонья, не плотно прилегали к ногам, и при каждом шаге пятки с грохотом ударялись о деревянный пол.

Не успел он опомниться, как маленький вихрь пронесся к Чэнь Хэмину.

Прежде чем Чэнь Хэмин успел среагировать, пара нежных детских ладошек начала испуганно ощупывать его тело. Стоило отодвинуть край пижамы, как в глазах ребенка отразился ужасающий синяк.

Кончики пальцев, на которых еще не успели появиться мозоли, дрожали, касаясь раны, а в голосе ребенка слышались слезы:

— Папа, тебе все еще больно?

<http://bllate.org/book/20208/2011035>